

Г. А. Туманова
Москва, Россия

**РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ
(на материале русско- и немецкоязычных политических ток-шоу)**

АННОТАЦИЯ. В предлагаемой статье рассматривается проблема функционирования прецедентных феноменов в политической коммуникации на материале русского и немецкого языков, а также выявляется основная цель их использования в таком жанре политического дискурса, как политические ток-шоу. Изначально обладая определенным потенциалом воздействия, прецедентные феномены призваны усилить эффект воздействия на аудиторию, выступая в качестве средства аргументации, дополняя доводы и факты, приводимые говорящим. Таким образом, прецедентные феномены представляют собой одно из наиболее эффективных средств реализации коммуникативной стратегии убеждения в политических ток-шоу. В работе анализируются прецедентные имена и прецедентные ситуации, чаще других употреблявшиеся в русско- и немецкоязычных политических ток-шоу в 2014 г., основной темой которых являлся политический и экономический кризис на Украине и российско-украинские отношения. Помимо этого, в статье перечисляются основные критерии прецедентности, на основе которых предлагается подход к определению понятия «прецедентное имя», отличающийся от традиционного, обосновывается возможность определения имен некоторых политических деятелей мирового уровня в качестве прецедентных имен, широко употребляемых в политических ток-шоу как на российском, так и на немецком телевидении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; прецедентные феномены; прецедентное имя; прецедентная ситуация; когнитивная база; стратегия убеждения; политические ток-шоу.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Туманова Галина Александровна, аспирант очной формы обучения, кафедра общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет; адрес: 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38; e-mail: 11_geminy@mail.ru.

Политическая жизнь мирового сообщества становится все более активной, что связано с демократизацией и глобализацией политических процессов в России и в мире. Одновременно с этим интенсивное развитие информационных технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к политическому дискурсу [Будаев, Чудинов 2006: 11].

Политическая коммуникация (ПК) — это особая сфера деятельности, сущность которой можно определить как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой. Идет непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях» [Шварценберг 1993: 174].

В связи с ростом интереса к проблемам политической коммуникации в последние годы формируется политическая лингвистика, представляющая собой интенсивно развивающееся направление языкознания, в рамках которого было опубликовано большое количество работ как отечественных, так и зарубежных ученых (В. Н. Базылев, Е. В. Бакумова, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, А. А. Федосеев, А. А. Филинский, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, A. Burkhardt, W. Dieckmann, T. A. van Dijk, A. Dörner, H. Girtl, J. Klein, E. Neuland, Th. Niehr, M. Wengeler и др.).

Анализ работ по данной тематике позволяет сделать вывод, что одновременно разными авторами используется несколько синонимичных, но в то же время конкурирующих между собой терминов, обозначающих язык политической коммуникации: «политический язык», «язык в политике»,

«язык политики», «политическое употребление языка» и т. д.

В немецком языкознании используется термин «Politolinguistik», который был впервые озвучен немецким лингвистом Армином Буркхардтом [Burkhardt 1996: 82]. Интересно отметить, что термин «политолингвистика» используется и некоторыми российскими исследователями (например, С. Г. Катаевой), однако для отечественной науки характерно скорее использование словосочетания «политическая лингвистика» (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, П. Б. Паршин, Л. Н. Синельникова, А. П. Чудинов и др.).

Как известно, основная задача любой политической партии или политического деятеля — борьба за власть. Достижение поставленной цели возможно лишь в том случае, если политик способен привлечь на свою сторону аудиторию, заставить ее поверить в реальность сформулированных задач. Ведущая роль в реализации той или иной политической программы принадлежит способности лидера привлечь аудиторию на свою сторону, сформировать мнение, необходимое данному политику или представляемой им партии.

В процессе убеждения используется целый набор определенных средств, нацеленных на решение конкретной коммуникативной задачи: аргументация, прагмасемантические средства воздействия, разнообразные риторические приемы и т. д.

Данная статья написана на материале выпусков политических ток-шоу «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Специальный корреспондент», «Политика», «Maybrit Illner», «Anne Will», «Studio Friedman», вышедших в эфир в 2014 г. Общая продолжительность видеоматериала составляет более 9 часов (около 550 минут).

Ток-шоу значительно отличаются от письменных жанров политического дискурса тем, что они представляют собой некий видеоряд, при этом информация воспринимается одновременно на слух и визуально (т. е. помимо самой речи анализируются и оцениваются жесты, мимика, поведение во время выступления, внешность говорящего и т. д.). Говорящий использует разные средства воздействия на зрителей и других участников: вербальные и невербальные. Таким образом, можно говорить о *гибридности* воздействия на зрителей в ток-шоу, о его многокомпонентности. Невербальная составляющая, будучи неотъемлемой частью политических ток-шоу, относится скорее к периферийным средствам воздействия, в то время как аргументация является ядром, своеобразным фундаментом, на котором выстраивается уже вся структура убеждения.

Как отмечает Г. И. Рузавин, «аргументация, в отличие от других форм убеждения, составляет его рационально-логическую составляющую, которая влияет на разум людей и потому оказывает сильное и продолжительное воздействие на сознание и поведение людей» [Рузавин 1997: 7]. В процессе коммуникации аргументация осуществляется в тесной связи с другими компонентами убеждения. Однако специфика политического дискурса состоит в том, что убеждение нередко основывается не только и даже не столько на рациональных приемах и методах, сколько на психологических, этических, стилистических, эстетических, ораторских и т. п. элементах.

По словам Т. Нира, «использование видеоматериала (при анализе парламентских дебатов, выпусков новостей или ток-шоу) сделало явным, что анализ только языковых компонентов коммуникации является недостаточным» [Niehg 2014: 47] (перевод наш. — Г. Т.).

Политические ток-шоу — это относительно молодой жанр русскоязычного политического дискурса, сформировавшийся в 90-е гг. XX в. на фоне демократических изменений, происходивших в обществе. Возникла необходимость релевантного отображения существующих в нем мнений и настроений и обсуждения острых социальных и политических вопросов.

В политических ток-шоу ярче, чем в других жанрах, проявляется агональная функция политического дискурса, так как в прямом эфире происходит столкновение разных политических сил, мнений и позиций.

В 2014 г. основной темой большинства политических ток-шоу на российском телевидении был кризис на Украине, повлекший за собой гражданскую войну на юго-востоке страны. Несмотря на то что телепрограмм, посвященных этой проблеме, в Германии вышло значительно меньше, украинский кризис является актуальной и обсуждаемой темой и в ФРГ. Подтверждение этому мы находим, например, в статьях Ф. Буркхардта, который называет события на Украине «одним из самых значительных противостояний в Европе со времен распада Советского Союза» [Буркхардт 2014: 404].

Как в любом политическом ток-шоу, в рассмотренных нами программах привлекал симпатии зрителей и становился лидером тот участник,

который обладал способностью «убеждать аудиторию, приводить убедительные доводы и аргументы против оппонентов, подкреплять сказанное фактами, воздействовать не только на разум, но и на чувства и эмоции слушателей» [Рузавин 1997: 12].

Одним из средств усиления эффекта воздействия выступают прецедентные феномены (ПФ). Обращение к ним как символам, существующим при определенных обстоятельствах, позволяет привлечь внимание аудитории и вызвать определенные ассоциации, необходимые говорящему. С другой стороны, использование прецедентных феноменов нацелено на конкретную аудиторию, способную распознать данные ассоциации, образы и стереотипы, т. е. аудиторию, обладающую хотя бы минимальной степенью подготовленности и определенными фоновыми знаниями. Опытный политик, как правило, хорошо чувствует аудиторию и выбирает наиболее эффективную тактику убеждения, в соответствии с которой строит свое выступление. Политик должен быть не только хорошим оратором, но и психологом, понимать настроение аудитории, анализировать реакцию на свое сообщение и в случае необходимости корректировать линию поведения.

Способность прецедентных феноменов служить аргументом в пользу точки зрения говорящего является следствием того, что они относятся к числу основных составляющих когнитивной базы (КБ), которая представляет собой «определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которой обладают практически все члены того или иного лингвокультурного сообщества» [Гудков 1998: 83—84]. Прецедентные феномены хранятся в КБ, по терминологии Д. Б. Гудкова, в виде «национально-детерминированных минимизированных представлений», включающих дифференциальные признаки, атрибуты и оценку ПФ [Там же]. Сходную точку зрения занимает и В. В. Красных, определяющая прецедентные феномены как своеобразные «единицы хранения» информации в когнитивной базе национально-лингвокультурного сообщества [Красных 1997: 130].

Активное изучение прецедентных феноменов началось во второй половине 80-х гг. XX в. Существенный вклад в разработку теории прецедентности внесли Г. Г. Слышкин, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Е. А. Нахимова, И. В. Захаренко, Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева, Ю. Е. Прохоров и др. Классической стала классификация прецедентных феноменов В. В. Красных, которая выделяет прецедентное имя (ПИ), прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентную ситуацию (ПС) [Красных 1997: 139]. Однако в последние годы появились работы, в которых представлен иной подход к разграничению подвидов ПФ. Так, например, И. В. Высоцкая указывает на необходимость выделения, помимо вышеперечисленных ПФ, также прецедентного события, прецедентной даты, прецедентного названия (как доминанты ПТ), прецедентного стиля, прецедентного жанра, прецедентного изображения, прецедентного звучания и прецедентного образа, расширяя таким образом терминологический ряд [Высоцкая 2013]. В данной работе мы придерживаемся

ваемся традиционной типологии прецедентных феноменов.

Прецедентные феномены используются во всех жанрах политического дискурса, и политические ток-шоу не являются исключением. В данной статье рассматриваются прецедентные имена и прецедентные ситуации.

Д. Б. Гудков отмечал, что прецедентные имена занимают особое положение среди прецедентных феноменов, входящих в когнитивную базу. «Они тесно связаны с двусторонними и абстрактными именами, относятся вместе с ними к ядру языковых средств фиксации и трансляции культурной информации, „материализуя“ ключевые концепты национальной культуры» [Гудков 1999: 15]. Исходя из того, что прецедентное имя — вербальный прецедентный феномен, который определяется как индивидуальное имя, связанное, с одной стороны, с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных; а с другой — с ситуацией, широко известной носителем языка и выступающей как прецедентная, можно говорить о том, что ПИ являются наиболее емким, образным и, следовательно, наиболее распространенным видом ПФ. С учетом специфики материала предлагается несколько иное понимание «широко известного текста», с которым соотносится ПИ. Прецедентным в данном случае будет звучащая речь и часто появляющийся на экране телевизора зрительный образ политического деятеля, имя которого становится прецедентным. Прецедентными являются, с нашей точки зрения, также отдельные высказывания того или иного государственного деятеля, олицетворяющего представляемую им страну, а также проводимую им внешнюю и внутреннюю политику.

Таким образом, подход к определению ПИ в настоящей работе несколько отличается от общепринятого. Вслед за Д. Б. Гудковым мы рассматриваем данные имена собственные в первую очередь как имена-символы, закрепленные в сознании представителей данного лингвокультурного сообщества зрительным образом и наделенные «некоторой эталонной совокупностью качеств», подкрепленных высказываниями указанных политиков. Это дает нам возможность расценивать их как ПИ [Гудков 1999: 17]. Подобную точку зрения разделяет, помимо Д. Б. Гудкова, и Р. В. Попадинец. Эти исследователи полагают, что «некоторые ПИ не апеллируют к каким-либо ПТ, а лишь выражают определенное „вечное“ качество, не обусловленное какими-либо обстоятельствами». В качестве примера Д. Б. Гудков приводит Ломоносова и Моцарта (как выражение одаренности, гениальности).

Следовательно, можно считать, что *Путин, Меркель, Обама* перестали быть только именами собственными, относящимися к конкретным физическим лицам. Они определяют вектор развития не только стран, которые возглавляют, но и всего мира. *Путин* и *Обама* воспринимаются как личности, характеризующиеся набором определенных признаков, как символы противостоящих друг другу сил, во многом определяющих мировую политику. *Путин, Меркель* и *Обама образуют* линию противостояния, на противоположных

концах которой находятся Россия и США, в то время как Германия (т. е. Европа) выступает неким посредником.

Особое внимание, на наш взгляд, необходимо уделить критериям прецедентности, главными из которых являются воспроизводимость и узнаваемость. В условиях глобализации информационных процессов и распространения влияния средств массовой коммуникации на все сферы жизни общества узнаваемость достигается посредством всестороннего обсуждения и оценки политических действий руководства той ли иной страны в СМИ и Интернете.

Остановимся более подробно на следующих примерах:

А. Руцкой: *Достаточно посмотреть историю геббельсовской пропаганды. И мы все то же самое увидим один в один.*

Е. Федоров: *До этого говорила шире* (ранее в программе упоминались некоторые американские политики, а также документы, в которых говорится об ослаблении России странами Западной Европы и США) *Маргарет Тэтчер. Это конкретные люди. И в материалах Гитлера это было записано на бумаге в виде приказов* [Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым (23.11.2014 г)].

В обоих случаях ПИ (или их производные) призваны проиллюстрировать негативное отношение стран Западной Европы и США к России на протяжении продолжительного времени. Не вызывает сомнения, что коннотация, связанная с именами вождей Третьего рейха (*Гитлер* и *Геббельс*), носит явно отрицательный характер. Так, например, *Гитлер* чаще всего используется в значении «человеконенавистник» [Косиченко 2006: 212]. А. Руцкой приводит ПИ с целью провести параллели между действиями Запада в отношении России во время Великой Отечественной войны и в современный период. В таком же значении используется производное прилагательное от ПИ *Гитлер* и В. Жириновским: *Это все делала гитлеровская Германия: враг на востоке* (убеждение посредством преувеличения угрозы со стороны ЕС и США) [Политика (17.12.2014 г.)].

Прецедентные ситуации, так же как и прецедентные имена, в контексте политического дискурса расцениваются нами как свернутая до минимума аргументация. Употребление ПИ и ПС предполагает, что оратор выстраивает определенные связи, в основе которых лежат определенные ассоциации, сравнения, аллюзии или перенос качеств одного предмета (личности) на другой, достигая тем самым у реципиента нужного понимания в совокупности с необходимой эмоциональной оценкой сказанного.

Тематика выбранных ток-шоу изначально накладывает ограничения на выбор сферисточников прецедентных имен. Поскольку основной темой рассматриваемых в статье ток-шоу является политическая ситуация на Украине, то единственной сферой-источником ПИ будет «Политика». *Путин, Меркель, Обама, Тэтчер, Наполеон, Сталин, Гитлер* и др. — это те прецедентные имена, которые можно услышать в российском телеэфире в последние месяцы в связи с кризисом на Украине.

Аналогичная ситуация наблюдается и в немецкоязычном ПД. Наиболее частотными прецедентными именами можно назвать **Putin, Merkel, Obama**. Например: *Putins Machthunger — wie weit wird Moskau gehen?* — так называется программа «Maybrit Illner», вышедшая в эфир 20 ноября 2014 г. на канале ZDF; *Alles dreht sich um Putin — Bleibt die Ukraine auf der Strecke* — под таким заголовком транслировалась программа «Anne Will» 27 ноября 2014 г. Для большей наглядности приведем также статистические данные. Так, в программе «Maybrit Illner» от 20 ноября 2014 г. за 58 минут **Putin** прозвучало 23 раза, **Merkel** — 6 раз, **Obama** — 2 раза; в эфире «Studio Friedman» за меньший промежуток времени (23 минуты) можно было услышать: **Putin** — 25 раз, **Merkel** — 2 раза, **Obama** — 3 раза.

Перечисление в одном высказывании нескольких ПИ может говорить о стремлении автора не только обратиться к авторитетам, но и противопоставить их:

Egon Bahr (немецкий политик, которому принадлежит ключевая идея новой восточной политики правительства Вилли Брандта «Изменения путем сближения»): *Die Ukraine ist in der Tat ein entscheidender Teil. Sie ist für Russland das, was das Ruhrgebiet für die alte Bundesrepublik war. Unentbehrlich im Bunde. Und das Zweite ist... Ich muss noch mal darauf zurückkommen, dass von Brandt bis Merkel, von Breschnew bis Putin über viele viele Stationen unterschiedliche Menschen 40 Jahre strategische Partnerschaft galt. Das heißt über den Tag hinaus und unabhängig von aktuellen Schwierigkeiten. Und das wird auch weiter gepflegt werden müssen* [Maybrit Illner (20.11.2014 г.)].

В одном высказывании Э. Бар приводит имена как российских, так и немецких политических деятелей разных эпох. Сделано это для того, чтобы наглядно продемонстрировать важность «стратегического партнерства» между Россией и Германией как в 70-е гг. XX в., так и на современном этапе, убедить собеседников в правильности проведения «Новой восточной политики» Вилли Брандта, т. е. политики сближения стран Востока и Запада.

Схожесть ПИ в русско- и немецкоязычном ПД объясняется общей тематикой анализируемых ток-шоу, долгими культурно-политическими и экономическими связями, а также тем, что за ПИ стоят исторические личности, оказавшие влияние на судьбы многих стран, в том числе России и Германии.

Еще одним частотным видом ПФ являются **прецедентные ситуации**. ПС (точно так же, как и ПИ) обладают высокой концентрацией информации и представлений, отражают систему ценностных ориентиров и эталонов национальной культуры.

С. Железняк: *Даже в том, что в советский период преподавалось в отношении и Октябрьской революции, и последовавшей за этим Гражданской войны, никто не скрывал омерзительного количества жертв человеческих и омерзительного количества трагедий, которые сопровождали эти переломные процессы. Потом была страшная Великая Отечественная война, унесшая десятки миллионов наших жизней для*

того, чтобы победить фашизм [Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым (23.11.2014 г.)].

Революция 1917 года, Гражданская война и Великая Отечественная война — прецедентные ситуации, за которыми стоят ключевые события в истории России XX в., повлекшие за собой кардинальные изменения в жизни страны, Европы и мира. Обращение к ним призвано усилить эмоциональный фон высказывания, убедить аудиторию через чувства, эмоции и ассоциации, которые эти ПС вызывают в реципиенте.

В. Жириновский: *Украина на весь XXI век: вместо Афганистана, Вьетнама, арабская весна. Все вместе взятое. Подарок Европе — очаг, который будет гнить, взрываться вулканом. Сейчас у нас финансовое цунами, сейчас у нас финансовый Майдан. ... Уже наступил сорок первый год!* [Политика (17.12.2014 г.)].

Отсылка к тем же или схожим событиям встречается и у немецких политических деятелей. Например:

Gregor Florian Gysi (немецкий политик, известен публичными выступлениями с критикой политики стран Запада, в первую очередь США): *Ich will nur darauf hinzuweisen, dass auch der Westen Völkerrechts verletzt hat. Beim Kosovo, zum Beispiel. Ich habe damals gesagt, wir machen ein Büchse der Pandora auf.*

Wir haben viele Dinge und völkerrechtlich geregelt über die Abtrennung der deutschen Ostgebiete nach dem zweiten Weltkrieg. Es ist auch eine völkerrechtliche Regelung am Ende getroffen worden.

Richard David Precht (немецкий философ и публицист): *Der Westen wollte keinen Kompromiss, sondern wir wollten gleich die ganze Ukraine in den Westen ziehen. Das ist ein Denken aus der Zeit des Kalten Krieges!*

Из перечисленных примеров видно, что прецедентные ситуации (**Октябрьская революция, Великая Отечественная война, Афганистан, Майдан, Kosovo, der zweite Weltkrieg, der Kalte Krieg** и др.) являются эффективным средством реализации стратегии убеждения. Это объясняется тем, что прецедентные ситуации представляют собой редуцированное представление о конкретной ситуации, куда помимо энциклопедической информации входит образное представление и ценностное отношение к данной ситуации [Попадинец 2006].

ПС могут выступать в качестве временных рамок либо некой точки отсчета:

Jan Techau (директор центра Карнеги—Европа): *Es überrascht nicht, wenn ich darüber anders denke als Herr Krasnizkiy. Es hat eine systematische Politik nach dem Mauerfall und nach der Wiedervereinigung Deutschlands gegeben. Russland wurde in die Architektur Europas gezogen, hereingebracht, als Partner aufgenommen. Man hat Privilegien eingeräumt, einen NATO-Russland-Rat.*

Здесь автор заменяет даты прецедентными событиями, что, с одной стороны, упрощает конструкцию реплики, а с другой, делает высказывание более эмоциональным и обладающим большим воздействующим эффектом, так как в ПС априори заложена определенная экспрессия.

В выпуске программы «Специальный коррес-

понтент» от 5 декабря 2014 г. развернулась горячая дискуссия после просмотра фильма тележурналиста А. Рогаткина «Хлеб Первомайска»:

А. Рогаткин: *Там, конечно, не как в **блокадном Ленинграде** — на саночках трупы не возят, но люди умирают с голоду.*

В течение непродолжительного промежутка времени несколько раз прозвучало «**блокадный Ленинград**»: гуманитарная катастрофа в юго-восточном украинском городе Первомайске сравнивается с военной блокадой г. Ленинграда, длившейся более двух лет и унесшей жизни нескольких сотен тысяч жизней (в первую очередь из-за голода).

Однако стоит отметить, что разные виды прецедентных феноменов не используются изолированно, часто в рамках одного высказывания сосуществует сразу несколько видов ПФ. Приведем пример из выступления режиссера Карена Шахназарова:

*Я почитал прессу американскую. Ну, там Россия и Путин — это не враг номер три, как еще Обама сказал, а враг номер один. Горбачева называют предателем, Ельцина называют предателем, но по сути-то дела это было очень великодушное и благородное решение. Что мы получили в ответ?! Какие мы увидели поступки? **Варшавского договора нет** — но НАТО пошло дальше. Вошла Польша, вошла Болгария, вошла Румыния. ... Мы боимся вас (страны западной Европы и США). А почему вы нас боитесь? Да у нас есть основания! За двести лет вы четырежды вторгались в пределы нашей страны: **Наполеон, Крымская война, интервенция в восемнадцатом году и Гитлер** [Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым (23.11.2014 г.)].*

Подобное мы можем наблюдать и в немецкоязычных политических ток-шоу:

Peter Altmaier (немецкий политик, с 17 декабря 2013 г. — глава ведомства федерального канцлера и федеральный министр по особым поручениям): *Trotzdem haben wir niemals den **sowjetische Einmarsch in Afghanistan** akzeptiert (ввод советских войск в Афганистан в 1978 г.). Trotzdem haben wir **die sowjetischen Aktivitäten in Angola** (1975 г.) **und Mosambik** (1975 г.) nicht akzeptiert. Es war ein sozialdemokratischer Kanzler, **Helmut Schmidt**, der gemeinsam mit **Ronald Reagan** die Nato-Nachrüstung durchgesetzt hat* [Maybrit Illner (20.11.2014 г.)].

Как видно из примеров, прецедентные имена и прецедентные события, дополняя и усиливая друг друга, создают в своем единстве эффективное средство убеждения оппонентов.

Наряду с историческими реалиями прошлых столетий, в ток-шоу активно задействованы ситуации и события, произошедшие в последнее время, например, «**аннексия**» **Крыма**:

Marieluise Beck (немецкий политик, депутат бундестага от партии «Союз-90» / «Зеленые»): *1994 war die Ukraine bereit ihre Atomwaffen abzugeben. Ihr wurde zugesichert, auch von Russland, das bei der Abgabe von Atomwaffen die Integrität gesichert ist. Nachdem Präsident Janukowitsch einen Vertrag mit der EU über Handel ausschließen will, ohne dass Russland gesagt hätte,*

*das wollen wir nicht. Die Ukraine sieht sich dann damit konfrontiert, dass es eine **Annexion** gibt* (т. е. «аннексия Крыма») [Anne Will (27.11.2014 г.)].

Поскольку события, обсуждаемые в приведенных выпусках телепрограмм, произошли относительно недавно, то может возникнуть вопрос о том, насколько правомерно относить перечисленные имена и события к прецедентным феноменам. Как уже говорилось ранее, основными критериями прецедентности являются воспроизводимость (в том числе в СМИ), популярность, узнаваемость. Всем перечисленным параметрам эти имена и события соответствуют.

Таким образом, основная цель применения ПФ в телевизионных ток-шоу заключается в стремлении воздействовать на аудиторию, что предопределяет обращение автора в первую очередь не к понятиям, а к образам. Любой прецедентный феномен обладает большим потенциалом воздействия и употребляется с целью произвести впечатление на адресата, выполнить функцию воздействия через определенные ассоциации, хранящиеся в национальной когнитивной базе и в сознании каждого члена общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. — Екатеринбург, 2006.
2. Буркхардт Ф. Освещение кризиса в Украине в немецких ток-шоу // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры : русское издание. 2014. № 1. С. 404—414.
3. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1(18). С. 117—137.
4. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация. 1998. № 4. С. 82—93.
5. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М. : Изд-во МГУ, 1999.
6. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1999.
7. Катаева С. Г. Немецкая политоллингвистика — возникновение и становление новой научной дисциплины прикладной лингвистики // Известия ВГПУ. 2009. № 2. С. 59—64.
8. Косиченко Е. Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
9. Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. 1997. № 1. С. 128—144.
10. Попадинец Р. В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка: экспериментальное исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Курск, 2006.
11. Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации. — М. : ИФРАН, 1997.
12. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. В 3 ч. Ч. 1. — М. : РАУ, 1993.
13. Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation / Josef Klein; Hajo Diekmannshenke (Hrsg.). — Berlin : De Gruyter, 1996.

S. 75—100.

14. Die Ukraine-Krise in den deutschen Talkshows // Ukraine-Analysen. 2014. № 135. S. 10—19.

15. Niehr Th. Einführung in die Politolinguistik. Gegenstände und Methoden. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.

СПИСОК ТЕЛЕПРОГРАММ

G. A. Tumanova

Moscow, Russia

**THE ROLE OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE REALIZATION OF STRATEGY OF PERSUASION
(on the material of the Russian and German Language talk shows)**

ABSTRACT. *The article deals with the problem of functioning of precedent phenomena in political communication in Russian and German and formulates the main purpose of their use in such genre of political discourse as political talk shows. Initially possessing a certain potential of influence, precedent phenomena are meant to strengthen the effect of influence upon the audience, acting as a means of argument, supplementing the arguments and facts given by the speaker. Thus, precedent phenomena make one of the most effective means of implementing the communication strategy of persuasion in political talk shows. The paper analyzes the primary “precedent names” and “precedent situations” that are used more often than others in Russian and German speaking political talk shows in 2014, the main theme of which is the political and economic crisis in Ukraine and the Russian-Ukrainian relations. Apart from this, the article enumerates the main criteria of “precedentness”, upon which a working definition of the “precedent name” is based. This definition differs from the traditional one and creates the possibility of referring the names of some world political figures to the class of “precedent names” (commonly referred to in political talk shows on both Russian and German television).*

KEY WORDS: *political communication; precedent phenomena; precedent name; precedent situation; cognitive base; strategy of persuasion; political talk shows.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tumanova Galina Aleksandrovna, Post-graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

LITERATURE & RESOURCES

1. Budaev E. V., Chudinov A. P. Метафора в политическом интердискурсе. — Екатеринбург, 2006.

2. Burkhardt F. Osveshchenie krizisa v Ukraine v nemetskikh tok-shou // Forum noveyshey vostochnoevropeyskoy istorii i kul'tury — Russkoe izdanie. 2014. №1. S. 404-414

3. Vysotskaya I. V. Spornye voprosy teorii pretsedentnosti // Kritika i semiotika. 2013. № 1(18). S. 117-137.

4. Gudkov D. B. Pretsedentnoe imya v kognitivnoy baze sovremennogo russkogo (rezul'taty eksperimenta) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. 1998. № 4. S. 82-93

5. Gudkov D. B. Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti. — M. : Izd-vo MGU, 1999.

6. Gudkov D. B. Pretsedentnye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkul'turnoy kommunikatsii: avtoref. dis. ... dok. filol. nauk. — M. : 1999.

7. Kataeva S. G. Nemetskaya politolingvistika — vozniknovenie i stanovlenie novoy nauchnoy distsipliny prikladnoy lingvistiki // Izvestiya VGPU. 2009. №2. S. 59-64.

8. Kosichenko E. F. Pretsedentnoe imya kak sredstvo vyrazheniya sub"ektivnoy otsenki: dis. ... kand. filol. nauk. — M. : 2006.

9. Krasnykh V. V. Kognitivnaya baza vs kul'turnoe prostranstvo v aspekte izucheniya yazykovoy lichnosti (k voprosu o russkoy kontseptosfere) // Yazyk, soznanie,

16. Studio Friedman (27.03.2014 г.).

17. Maybrit Illner (20.11.2014 г.).

18. Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым (23.11.2014 г.).

19. Anne Will (27.11.2014 г.).

20. Специальный корреспондент (05.12.2014 г.).

21. Политика (17.12.2014 г.).

kommunikatsiya, 1997. № 1. S. 128-144.

10. Popadinets R. V. Pretsedentnye imena v soznanii nositelya russkogo yazyka : Eksperimen-tal'noe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kursk, 2006.

11. Ruzavin G. I. Metodologicheskie problemy argumentatsii. — M. : IFRAN, 1997.

12. Shvartsenberg R.-Zh. Politicheskaya sotsio-logiya: V 3 ch. — Ch. 1. — M. : RAU, 1993.

13. Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung. In: Josef Klein/Hajo Diekmannshenke (Hrsg.): Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin: De Gruyter, 1996. S. 75—100.

14. Die Ukraine-Krise in den deutschen Talkshows // Ukraine-Analysen. 2014. № 135. S. 10-19.

15. Niehr Th. Einführung in die Politolinguistik. Gegenstände und Methoden. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.

16. Studio Friedman (27.03.2014)

17. Maybrit Illner (20.11.2014)

18. Voskresnyy vecher s Vladimirom Solov'evym (23.11.2014)

19. Anne Will (27.11.2014)

20. Spetsial'nyy korrespondent (05.12.2014).

21. Politika (17.12.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.